

УДК 81'373.2 Татьяна Владимирова

(Россия, Москва)

МОДЕЛИРОВАНИЕ АПРИОРНЫХ УСЛОВИЙ КОММУНИКАЦИИ

Статтю присвячено моделюванню пресуппозиції міжкультурної комунікації. Концептуальне підґрунтя моделювання складають принципи триєдності та фрактальності. Модель репрезентує логічний перехід від емпіричного до теоретичного осмислення комунікації.

Ключові слова: модель, пресуппозиція, комунікація, мовна особистість.

This article is about the presupposition model of cross-cultural communication, which is based on the principle of fractal. This way of modeling shows a change from the imperial teaching to the theoretical reasoning of communication.

Key words: model, presupposition, communication, linguistic personality.

Каждый из нас по праву рождения смотрит на мир, на Другого и на себя через призму родного языка и культуры, оставаясь в пределах привычных представлений и стереотипов мышления. Когда же мы владеем еще одним языком, мы не просто расширяем круг потенциальных собеседников, но существенно повышаем уровень коммуникабельности, а значит и уровень культуры. Ведь культура – это не что иное, как поле общения, в котором способность к взаимопониманию и сопереживанию приобретает особое значение.

Если же уровень владения языком собеседника-инофона не высок, а область пересечения когнитивных пространств говорящего и адресата изначально ограничена, то в общении могут возникать различные барьеры. Это делает актуальным изучение априорных условий коммуникации между представителями различных этнических культур. Решающее значение при этом приобретает общий опыт, тезаурус, ценности, знания, представления, фреймы-сценарии встреч, событий, а также установки, правила и нормы, регулирующие речевое поведение.

При существенных отличиях социокультурных и лингвокогнитивных баз коммуникантов, общение развивается прежде всего благодаря универсальности структуры языковой личности и потенциальной общности и/или взаимодополнительности их индивидуальных миров. Определенную роль играет также универсальность предметного кода (УПК Н.И. Жинкина), лежащего в основе человеческого мировосприятия, языковых механизмов, объединяющих типологически близкие и далекие языки, и общность их эволюционного развития.

Характеризуя данную пресуппозицию как "построенную на экстралингвистической основе, на знании ситуации", Г.В. Колшанский отмечает, что она "является наиболее доступной для всех коммуникантов" [4, с. 88]. При таком подходе в категорию пресуппозиции входят личностные особенности общающихся, их социокультурный и экзистенциальный опыт бытия. Таким образом, общий пресуппозиционный фонд включает как минимум прагматические, или ситуативные, социокультурные и экзистенциальные пресуппозиции.

Чтобы проиллюстрировать своеобразие национальных языковых личностей, сравним западноевропейский и российский опыт совместной профессиональной деятельности. Согласно проведенным исследованиям, для ее успеха в России люди должны вступить в личные, доверительные отношения, опирающиеся на мораль, которая носит "конвенциональный" характер. В итоге у россиян оказался не выработан опыт социального взаимодействия, предусматривающий определенные права и обязанности каждого. Осложнение в межкультурной коммуникации могут также вызвать непривычные для представителей западноевропейской культуры идеалы коллективизма, сформировавшие "слишком историчное, слишком общественное" самосознание россиян [1, с. 8-9]. Более того, направленность русского речевого поведения на достижение взаимности наложила свой отпечаток на характер производственной деятельности, успешность которой зависит от сложившихся межличностных отношений.

Очевидно, что подобная деловая коммуникация значительно отличается от западноевропейской, которая, согласно Г.П. Грайсу, подчиняется принципу кооперации: коммуникативный вклад каждого участника диалога определяется совместно принятой целью. При этом речевое поведение должно соответствовать постулатам качества информации (не говори того, что является ложным, или того, для чего у тебя нет достаточных оснований), количества информации (твое высказывание должно содержать не меньше, но и не больше информации, чем требуется), релевантности информации (не отклоняйся от темы) и способа ее изложения (избегай непонятных выражений и неоднозначности, будь краток и организован) [3].

Определенные различия наблюдаются и в обыденном речевом поведении носителей русского и западноевропейских языков. Так, например, для американцев, англичан, шведов, датчан, французов, а также для носителей польского языка русское приглашение Приходите завтра к нам в гости представляется несколько агрессивным. Описанная ситуация отражает характерную для этих языков соотношенность повелительного наклонения с прямым волеизъявлением, которое воспринимается как нежелательное вторжение в сферу личной свободы. Что же касается русского речевого поведения, то в нем повелительное наклонение выступает как нейтральная форма побуждения, а нежелательным является использование инфинитива: Молчать! Встать! и т. п. В свою очередь приглашение иностранца Вы хотите с нами сегодня поужинать? кажется русскому адресату слишком "прямым", вынуждающим ответить Хочу / Не хочу. Вместе с тем, непривычным для носителей русской и западноевропейской речевой культуры может оказаться казахское застолье, в ходе которого в центре внимания находятся кудайы конак (божий гость), арнайы конак (особый гость) и кыдырма конак (специально приглашенный гость) и для них готовятся специальные угощения.

Не удивительно, что изучением проблем, связанных с пресуппозицией межкультурного общения, сегодня занимаются специалисты едва ли не всех наук о человеке. Это обусловлено тем, что "социальные факты не редуцируемы к разрозненным фрагментам" и на приближение к истине "могут претендовать науки о человеке, идущие навстречу интегральности своего объекта" [5, с. 361–362].

В поисках методологии, выполняющей "функцию интегративную, всенакрывающую и на самом верху организующую формы мышления и деятельности, <...> функцию, задающую целое самого мышления" [6, с. 550], обратимся к моделированию пресуппозиции межкультурного общения, опираясь на имеющийся опыт создания подобных моделей. Здесь, прежде всего, следует назвать "порождающую модель" Платона, который ввел понятие "триады" и раскрыл процесс превращения идеи в идеал: *paradeigma* ('идея', 'образ') – *de'miourgos* ('создатель') – *kosmos*

(‘мир, построенный согласно прообразу’). А платоновское учение об интеллектуальной способности, контролирующей волевою и аффективную способности человека, вошло в научный дискурс как триада <ratio – emotion – intuitio>.

Триадный метод был развит Аристотелем, объединившим в коммуникационной модели говорящего текст и того, кто испытывает его воздействие: ethos (‘обычай’, ‘правило’) — logos (‘слово’, ‘разум’) — pathos (‘чувство’, ‘страсть’) и раскрыл в модели процесса природу деятельности: dynamis ("возможность" деятельности, готовность к ней) – energeia (сама деятельность) – entelecheia ("осуществленность", соотносимая с представлениями о ее совершенном исполнении). Преобразуем процессуальную философскую триаду Аристотеля с учетом психолингвистической специфики деятельности межкультурного общения. Для этого представим линейную триаду в виде треугольника, передающего целостное единство интенциональной направленности на речевое взаимодействие (психологический план) и собственно речевого взаимодействия (лингвистический план) с этическими представлениями говорящего (этический план). Интерпретация общения как целостности и выделение в ней трех сторон, составляющих предмет изучения психологии, лингвистики и философии (этики), приближает к пониманию языковой личности, имеющей как индивидуальные, так и этнокультурные особенности.

Уподобим пресуппозицию межличностного общения, характерную для русской языковой личности, основанию пирамиды, имеющей форму тетраэдра. Тогда психологический (1), лингвистический (2) и этический (3) ракурсы исследования речевого взаимодействия могут быть представлены в виде ее боковых граней. Полученная фигура (модель 1-го порядка) может рассматриваться как первичная целостность, соответствующая этикетной речевой субъектности <Я – Вы/Ты>.

Начальные диалогические отношения в силу готовности коммуникантов к "свободному самораскрытию" (М.М. Бахтин) достигают в процессе взаимодействия уровня совокупной субъектности <Я + Вы/Ты>. Это выражается в значительном приращении психологической, лингвистической и этической составляющих общения. Следовательно, модель 2-го порядка может быть образована прибавлением к боковым граням модели 1-го порядка 3-х тетраэдров, построенных на ее боковых гранях как на основаниях. Так, психологическая (1) сторона раскрывается триединством перцептивного (1.1), коммуникативного (1.2) и интерактивного (1.3) планов; лингвистическая (2) – взаимодействием речи (2.1), языка (2.2) и дискурса (2.3), а этическая (3) – единством простонародных (3.1), философских (3.2) и вероучительных (3.3) представлений о нравственном поведении.

Одной из отличительных черт общения с установкой на взаимность выступает стремление коммуникантов к "единству", которое проявляется в активизации идеи совместности и искомой целостности личностных взаимоотношений. "Личность, – писал Л. С. Выготский, – становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она представляет собой для других" [2, с. 196]. Поэтому по мере становления межличностных отношений в сознании коммуникантов возникает как бы два смысловых и вместе с тем силовых центра: <Я> и <Другой во мне>. Это позволяет говорить об особой отраженной субъектности, на основе которой в процессе развития речевого взаимодействия формируется единое <Мы>.

Аналогом межличностного общения, достигающего в своем развитии уровня единой речевой субъектности <единое Мы>, является модель 3-го порядка, которая возникает как результат дальнейшего раскрытия граней модели 2-го порядка. Перцептивный план развивается как целостное взаимодействие аффективного (1.1.1), когнитивного (1.1.2) и мотивационно-смыслового (1.1.3) аспектов формирования образа адресата. Коммуникативный план – как процесс самовыражения и обмена информацией, имеющей эмоциональную (1.2.1), интеллектуальную (1.2.2) и духовную (1.2.3) значимость. Интерактивный план – как единство взаимодействия (1.3.1), взаимопонимания (1.3.2) и взаимоотношений (1.3.3). Речь развивается как триединство локутивного (2.1.1), иллюкутивного (2.1.2)

и перлокутивного (2.1.3) аспектов. Языковой план – как взаимодействие семантики (2.2.1), синтактики (2.2.2) и прагматики (2.2.3). Дискурс (как процесс) разворачивается как целостное единство готовности к строительству отношений (2.3.1), собственно межличностной дискурсивной практики (2.3.2) и ценностных ориентиров поведения (2.3.3). Простонародные этические представления о нравственном законе обнаруживают в своем развитии целостность мифопоэтических (3.1.1), общинно-родовых (3.1.2) и ритуалистических (3.1.3) стереотипов должного поведения. Философские представления развиваются как этическое учение о принятии "иного" (3.2.1), о нравственных принципах (3.2.2) и о свободе воли (3.2.3). Вероучительные этические представления – как заповеди отношения к самому себе (3.3.1), к ближнему (3.3.2) и к Богу (3.3.3).

Таким образом, достаточно абстрактное понимание развития межличностного речевого взаимодействия получает наглядное выражение, способствуя осмыслению механизмов внутреннего "взаимоСОдействия" (П.К. Анохин). Концептуальную основу представленной модели составляют фундаментальный принцип триединства материального, идеального (рационального) и духовного, проявляющихся в самом человеке и во всех сферах бытия, и принцип фрактальности (от лат. fractus – рассеченный), согласно которому каждая выделенная из целого часть подобна целому.

Описанный способ моделирования может рассматриваться как возможный вариант концептуализации речевого общения представителей различных лингвокультурных общностей. А поскольку подобное взаимодействие отличается этнокультурным своеобразием, данная модель позволяет изучать национальные языковые личности на единой методологической основе. Смоделировав пресуппозицию межличностного общения, характерную для коммуниканта-инофона, и расположив обе модели зеркально по отношению к друг другу, мы можем получить начальное представление о тех априорных условиях, в которых будет формироваться их речевое взаимодействие. Если когнитивные пространства общающихся изначально имеют зоны пересечения, это может быть отображено взаимопроникновением моделей. (Полное слияние моделей невозможно в силу личностного способа бытия.)

Предложенный вариант моделирования представляет собой логический переход от преимущественно эмпирического изучения общения к теоретическому осмыслению

последовательно усложняющегося межличностного взаимодействия, в которое всё более полно вовлекаются вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный уровни языковой личности (Ю.Н. Караулов). В представленной модели очевидно стремление автора внести свой вклад в концептуализацию русского межличностного общения и в разработку холистической интерпретации межкультурного диалога. Разумеется, содержательная сторона модели требует уточнения и дальнейшей разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – С. 7 – 37.
2. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 500 с.
3. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Издательская группа "Прогресс", 1985. – С. 217-237.
4. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: КомКнига, 2005. – 152 с.
5. Леви-Строс К. Путь масок. – М.: Республика, 2000. – 399 с.
6. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. – М.: Шк. Культ Политики, 1997. – 656 с.